

© И.А. Морозов, Л.А. Ткачук

**“ПРАВИЛА СМЕРТИ”:
КОНЦЕПТЫ “НЕПРАВИЛЬНЫЙ МЕРТВЕЦ”
И “НЕПРАВИЛЬНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ”
В ИНСТРУМЕНТАРИИ СОЦИАЛЬНЫХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Ключевые слова: антропология смерти, похоронная обрядность, неправильный мертвец, неправильное захоронение, погребальный обряд, социальная технология, политическая технология

В статье рассматриваются концепции “неправильного мертвеца” и “неправильного погребения”, представленные в разных культурах и в разных социально-политических контекстах; предлагается интерпретация этих концепций как особых социальных и политических технологий, обеспечивающих поддержание социальной стратификации, регулирующих поведенческие стратегии и позволяющих формировать мировоззренческие модели в рамках господствующей идеологии, которая регламентирует характерные для данного сообщества “правила смерти”. Особое внимание авторы уделяют современным практикам, использующим концепты “неправильной смерти”, “неправильного мертвеца” и “неправильных похорон”. Анализ примеров из типологически разных культур показывает, что эти концепты актуализуются в тех случаях, когда возникает потребность в трансформации существующей мировоззренческой модели и связанных с ней мифологии и топики. Авторы приходят к выводу, что игнорирование существующих различий в традициях захоронений, которые на протяжении человеческой истории всегда имели культурную специфику, чревато серьезными конфликтами, которые можно предотвратить, лишь выработав новые “правила смерти”, которые будут соответствовать современным социокультурным стандартам.

Похороны как один из ключевых ритуалов жизненного цикла во всех культурах жестко регламентируются многочисленными предписаниями и запретами, определяющимися существующими в данной культуре представлениями о загробном мире и посмертном существовании, ограничениями для различных категорий умерших и ограничениями в способах их погребения. Весь этот мировоззренческий и обрядовый комплекс можно назвать “правилами смерти”, которые проявляют себя как в устной, так и в письменной традиции, в т.ч. в решениях на законодательном или корпоративном уровне (если речь идет о компаниях, занимающихся похоронным бизнесом и ритуальными услугами). Подобные правила определяются этнической, религиозной, сословной спецификой социальной группы и могут использоваться в качестве особой технологии, способствующей поддержанию социальных иерархий и иных различий, служить инструментом морального унижения нарушителей обще-

Игорь Алексеевич Морозов | <http://orcid.org/0000-0002-1987-0706> | mianov@rambler.ru | д.и.н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Лилия Александровна Ткачук | <http://orcid.org/0000-0003-3158-0194> | fairsisters@gmail.com | аспирант | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 18-18-00082]

ственных этических норм и установлений и политического воздействия на оппонентов. Поэтому ключевым элементом “правил смерти” является определение условий “хорошей” и “плохой” смерти, “правильных” и “неправильных” мертвецов и погребений. Тем самым задаются “топические представления” о достойной смерти и связанных с ней обстоятельствах для данного сообщества и регламентируются последствия для нарушивших эти предписания. Разумеется, наиболее нам известны христианские верования о праведниках и грешниках, одни из которых после смерти попадут в рай, а другие — в ад. Но подобные “правила смерти” существовали и существуют в других культурных традициях, в т.ч. предшествовавших христианской.

В данной статье мы проанализируем функционирование “правил смерти” и способы их использования в социальных и политических технологиях, в т.ч. в современном мире. На нескольких примерах будет продемонстрировано, как “правильные” или “неправильные” смерть либо погребение могут использоваться для формирования определенных мировоззренческих позиций или общественного мнения, давления на представителей маргинальных или оппозиционных групп, переформатирования общественного пространства.

В статье будут использованы как личные полевые записи авторов, так и материалы СМИ и иные опубликованные источники.

Концепция Д.К. Зеленина в историко-культурном контексте

В отечественной этнографической науке наиболее известная концепция “неправильных мертвецов”, включающая и способы их захоронения и поминовения, принадлежит Д.К. Зеленину. В опубликованных в 1916 г. “Очерках русской мифологии” он сделал обстоятельный обзор разных категорий “неправильных мертвецов” не только у русских, но и в традициях других народов, выбрав при этом для их обозначения диалектный термин “заложные покойники” (Зеленин 1995: 41). Согласно Д.К. Зеленину, к ним относятся “люди, умершие прежде срока своей естественной смерти, скончавшиеся, часто в молодости, скоропостижною несчастною или насильственною смертью”, в т.ч. самоубийцы, утопленники, погибшие в сражении вдали от дома или от молнии и переохлаждения, при пожаре или от алкоголизма (“опойцы”), “а также лица, проклятые своими родителями, равно как и пропавшие без вести (о них обычно в народе думают, что они похищены нечистою силою), <...> и все умершие колдуны, ведьмы, упыри и т.п., т.е. все люди, близко знавшие с нечистой силой и пользовавшиеся услугами этой нечистой силы” (Зеленин 1995: 39–40).

По этому перечню видно, что в разряд “неправильных мертвецов” попадают, с одной стороны, лица с девиантным, отклоняющимся от принятых норм поведением, что уже при жизни позволяет включать их в особую социальную категорию и объяснять это их связью с “нечистой силой”, “одержимостью бесами”. В таком случае их смерть также обычно является “неправильной”, что может иметь последствия для всего социума (напр., провоцировать стихийные бедствия: наводнения, засуху, ураганы и проч.). С другой стороны, к “заложным” относятся те, кто погиб вдали от дома по невыясненным причинам и в неясных обстоятельствах, например, не погребенные по правилам странники, умершие в пути от болезни или от рук разбойников, либо погибшие на полях сражений воины. Для таких категорий мертвецов были предусмотрены особые правила захоронения (Шепанская 2003: 42–45).

Рассуждая о критериях выделения “заложных”, Д.К. Зеленин обращает внимание на их *опасность* (в отличие от “родителей”-предков) и вытекающую из этого обстоятельства необходимость их изоляции при помощи превентивных ритуально-магических практик и особых способов захоронения. По народным поверьям “заложных” не принимает земля, а потому еще на рубеже XIX–XX вв. в ряде регионов

России их трупы оставляли на перекрестках, заваливая ветвями или камнями, причем каждый путник, проходя мимо, должен был внести свою лепту в это символическое погребение, бросив в него ветку или камень. В Поволжье подобного рода мертвецов сбрасывали в болото, в специально предназначенный для этого овраг за пределами поселения, уносили в лес “на мазарки” (ср. устар. татар.: *мазар* — “кладбище”).

Это раньши-ти, вот сказуют, этъ уж мы ни помним, эт наши матири и то не знали. Коронили утоплинникыв, вот у нас тут есть в этом лису болота такая, Тростяная называцца, и етих утоплинникыв в эта балота, гворит, в гробах-та и пускали туды. И утоплинникав, и удавлинникав. А то, гварит, если ёо скоронять на кладбищах-та — дождя ни будит. Да. Вот так-т эта была. А шшас-та коронют! (ПМА 1: Потапова)

Раньшы, сынок, ни разришали удавленника на кладбишше коронить. На мазарках коронют. Мазарки лошадины у нас есть, коронют лошадей. А эта кладбишше. Ну на кладбишшы мы короним. В общем, мне Клавдей сказывал: “Вырыли одну мушшыны (эт давно) и в лес увезли”. Ну, ни положено удавленника там, на кладбишшы, да, да: “Дождя, — гыт, — ни будит!” Бог ёо знает, ни знаю. За нео, грит, и моленья-то вон нету (ПМА 1: Ведица, Михеева).

Кроме того, в средневековой Руси существовали специальные ямы-“скудельницы”, в которые сбрасывали умерших “неправильной”, т.е. “неестественной” с точки зрения социума, смертью.

Аналогичные практики существовали у всех славянских народов (Седакова 2004: 32–37, 257–263). Л. Раденкович вслед за Д.К. Зелениным выделяет две категории предков у славян: умерших естественной смертью (рус. — *родители*, бел. — *дзяды*, укр. — *деды*, серб. — *преци*), которым приписываются продуцирующие и апотропейные функции, и “нечистых” покойников, которые вредят живым людям. К ним, помимо уже перечисленных категорий “неправильных” мертвецов, относятся умершие насильственной смертью (убитые воины, разбойники, люди, замурованные как строительная жертва в фундаменте дома или моста), а также умершие в “опасный” период года (в Болгарии это люди, соблюдавшие трехдневный пост — тример в первые три дня Великого поста, т.е. на Тодоровой неделе; на Русальной неделе; у сербов — умершие или погибшие участницы обрядового шествия — кралицы и т.п.) (Раденкович 2016: 141).

Современными исследователями нередко ставятся под сомнение различные положения теории Д.К. Зеленина о “неправильных” мертвецах (ср.: Панченко 2008; 2013: 39–40), в частности, оспаривается тезис об “архаизме” связанных с ними верований. По мнению С.М. Толстой, «представления о “нечистых” покойниках и способы защиты от них в том виде, в каком мы их застаем в традиционной обрядности и фольклоре XIX–XX вв., сложились на основе сравнительно новой формы захоронения (труположения), т.е. относительно поздно» (Седакова 2004: 10).

Однако особые регламентации, касающиеся захоронения “неправильных мертвецов”, существуют в типологически разных культурах и имеют универсальный характер, что, видимо, указывает на древность их происхождения. В качестве примера можно упомянуть практики захоронения в средневековой Японии представителей “низших” каст *хинин* (досл. пер. — “недочеловек”) и *эта* (букв. — “переполненные грязью”), отчасти сохраняющиеся до настоящего времени. К касте *хинин* причислялись люди с сексуальными девиациями, проститутки, бродячие артисты, члены синтоистских сект, инородцы, а к касте *эта* — мясники, кожевники, дубильщики, палачи, т.е. представители профессий, которые были связаны с нарушением буддийской заповеди “не убий”. Этких людей сторонились и хоронили за пределами кладбищ в небольшой яме, как животных (Cangià 2013: 29–32, 69–75). По-видимому, в этом же контексте необходимо рассматривать существующие и в настоящее

время как в Европе, так и в других частях мира кладбища инородцев и иноверцев (напр., еврейские и мусульманские).

Представители иной социальной группы и другие нарушители социального порядка могут оказываться “неправильными мертвецами” и в новейшее время. Так, Н.С. Петрова приводит показательный пример отношения на Тамбовщине в 1920-е годы к коммунисту как к заложному покойнику: во время засухи его могилу залили водой и вбили в нее осиновый кол (Петрова 2017: 61). Таким образом, архаические представления о вредоносности “неправильного мертвеца” в современном контексте могут интегрировать в себя и идеологическое наполнение: “чуждое” мировоззрение делает человека после его смерти заложным покойником так же, как это происходило в случае с колдунами и иноверцами.

“Правила смерти” как социальная технология

Последний пример позволяет предположить, что современное десакрализованное сознание не исключает возможности использования концепта “неправильного мертвеца” в социальных и политических технологиях, целью которых является формирование определенного мировоззрения и стереотипов поведения. Можно отметить “технологичность” данных представлений, применяемых для создания социальных и поведенческих установок, в т. ч. связанных с различными идеологиями. Приведем несколько примеров.

Для погребения убитых организаторов провалившегося в июле 2016 г. путча власти Турции выделили специальное место под названием “кладбище предателей” (“Hainler Mezarlığı”). Оно находится в заброшенной деревне недалеко от Стамбула на территории собачьего приюта. Мэр Стамбула Кадир Топбас распорядился оборудовать тут кладбище, чтобы местные жители “проклинали его, когда видят”, ибо “те, кто предал эту страну, не могут покоиться с миром”. По мнению одного из строителей, “те, кого тут похоронят, не отличаются от животных” (Кладбище предателей 2016). В данном случае используемая турецкими властями концепция особых правил погребения “неправильных мертвецов” (предателей, мятежников) позволяет закрепить в общественном сознании факт их символического отделения от “нормальных людей”, а также добиться радикального снижения их статуса, фактически расчеловечивания (“не отличаются от животных”). И это напрямую связано с типом захоронения, которое локализовано в “нечистом” месте — на территории приюта для бродячих собак.

Проблема захоронения тех, кто покушается на устои современного общества, оказывается актуальной и для толерантного и, казалось бы, далеко ушедшего от архаических представлений европейского общества (Последнее пристанище 2016). Например, в Германии столкнулись с непростой задачей: что делать с телами исламистских террористов, совершивших нападения в Вюрцбурге и Ансбахе в 2016 г.? Хотя каждый мусульманин должен быть похоронен по мусульманским обычаям, Мухаммед Абу аль-Комсан, представитель в Баварии Центрального совета мусульман Германии, на запрос немецкого информагентства DPA ответил однозначно: никаких похорон на мусульманском кладбище и никакой исламской церемонии погребения для террористов. С аналогичной проблемой столкнулись и во Франции, где после терактов в Париже в ноябре 2015 г. бурно обсуждался вопрос, какая община должна будет заняться похоронами убитых террористов, и все мусульманские общины отказались организовать религиозную церемонию похорон для двух мусульман, которые убили священника в церкви на севере Нормандии. Подобные коллизии возникали и в других случаях. Например, один из террористов, убитый при нападении на парижский клуб Bataclan, в результате был похоронен в своем родном городе, но анонимно. Братья Куаши, в начале 2015 г. устроившие стрельбу в редак-

ции журнала Charlie Hebdo и убившие 12 его сотрудников, также были похоронены без указания имен и без обычной погребальной церемонии.

В данных эпизодах на первый план выходит уже не опасность террористов в их посмертном воплощении, как в случае с “ходячими мертвецами”. Речь идет о возможности особого отношения к их могилам как со стороны родственников жертв совершенных ими терактов, которые могли бы надругаться над этими захоронениями, так и со стороны последователей террористов — исламских фундаменталистов. Именно поэтому в 2011 г. одного из членов неонацистской ячейки NSU (“Национал-социалистическое подполье”) похоронили в его родном городе Йене анонимно, в общей могиле, чтобы не создать место паломничества для других неонацистов (Последнее пристанище 2016). Хотя надругательства над могилами “неправильных мертвецов” происходили и в традиционных обществах, особенно если были основания предполагать, что усопшие совершают вредоносные действия *уже после смерти*, в современных контекстах подобные практики, основанные на расширительных толкованиях, также имеют место: умершие расплачиваются осквернением могил за поступки, *совершенные при жизни*, или превращаются в предмет восхищения и подражания своих последователей, получая звание “героев” и/или “мучеников” и приближаясь по статусу к святым.

В современной России регулярно случаются инциденты, связанные с процедурой захоронения по православному обычаю людей, в первую очередь обладавших высоким статусом, которые, с точки зрения православных активистов, не соблюдали при жизни церковных канонов или совершали деяния, противоречащие основным христианским заповедям. Например, после смерти Олега Табакова в прессе появились сообщения, что «активисты движения “Божья Воля” требуют от Московской епархии Русской православной церкви не отпевать народного артиста СССР Олега Табакова, так как, по их мнению, он виноват в постановке в МХТ им. Чехова “богохульных” спектаклей» (Ващенко, Заморская 2018). И хотя РПЦ не отказалась от отпевания актера, сам факт появления таких требований отчетливо демонстрирует желание определенного слоя верующих регулировать при помощи подобного рода акций поведение и социальные установки деятелей, формирующих общественное мнение.

Еще раз хотим подчеркнуть, что использование концептов “правильного/неправильного мертвеца” и “правильного/неправильного погребения” в качестве специального инструмента или социальной технологии для формирования определенных мировоззренческих установок и/или кодифицированных форм поведения не является новейшим изобретением. “Правильные” захоронения “правильных” мертвецов на протяжении всей мировой истории служили объектами поклонения и нередко фетишизма, вокруг них образовывались целые “паломнические” культы. И при этом не придавалось особого значения тому, что эти практики могли, например, противоречить основным идеологическим и религиозным догматам, как в случае с мощами христианских святых (Седакова 2004: 32).

Более того, можно утверждать, что в современных условиях “правильные” мертвецы в ряде случаев рассматриваются как товар и используются в различных бизнес-проектах. Такую функцию, например, все чаще исполняют мемориальные комплексы, посвященные жертвам мировых и локальных конфликтов, которые активно включаются в международные туристические маршруты. Д. Комарофф, рассказывая о способах использования этничности в бизнес-стратегиях, отмечает, что в Руанде, в настоящее время управляемой тутси, “иногда превращают резню в коммерцию, погибель в достояние”, а места массовых расправ занимают видное место в туристических маршрутах для иностранцев. Ярким примером служит техническое училище Мурамби, “чьи классные комнаты являются напоминанием об одном из самых ужасных актов геноцида нашего времени”. В 1994 г. пять тысяч тутси, искавших

здесь убежище, были убиты боевиками хуту. Многие тела, мумифицированные при помощи обработки известью, находятся на тех местах, где люди погибли (*Comaroff J.L., Comaroff J.* 2009: 145). Т. Лонгман в своем исследовании о практиках коллективной памяти, связанных с жертвами геноцида в Руанде, обращает внимание на тот факт, что произведенная властями консервация жертв трагедии с целью их публичной демонстрации в первую очередь туристам, приезжающим на сафари в близлежащий природный парк, не соответствует местным погребальным традициям. По обычаю, погибшие хоронятся рядом с близкими родственниками, их тела никогда не выставляются на всеобщее обозрение. Тем не менее власти пошли на нарушение традиции, в ряде случаев добившись согласия уцелевших родственников на подобный способ сохранения останков, ради политической консолидации пострадавшей в данной трагедии группы тутси, что, по замыслу, должно предотвратить подобные акты геноцида в будущем (*Longman* 2017: 4–6, 65, 91).

“Неправильные мертвецы” и “неправильные захоронения” в современном политическом контексте

В истории России неоднократно происходили кардинальные преобразования в погребальных традициях, связанные со сменой социокультурных парадигм и процессами модернизации. Из последнего достаточно вспомнить о разрушении надмогильных памятников “буржуев” и священнослужителей в послереволюционный период. О новой эпохе на кладбищах возвещали памятники-пирамидки со звездами вместо поваленных крестов. Противоположную тенденцию можно было наблюдать в постперестроечный период, когда звезды на памятниках советского времени часто намеренно уничтожались, а вместо них устанавливались православные кресты. Борьба между “правильными” и “неправильными” захоронениями в данном случае не только является символической, в ней отражаются реальные процессы социальных преобразований. Культура погребения представляет собой поле сражения различных умонастроений и идеологий, того, что можно назвать “топическими представлениями”. Изменения в социальной топологии требуют кардинального пересмотра и столь важных концептов, как “правильные/неправильные захоронения” и “правильные/неправильные мертвецы”. Пожалуй, наиболее широкий резонанс это получило при многочисленных инцидентах с захоронениями советских воинов в странах Восточной Европы, где освободители в одночасье превратились в “оккупантов”. Последствия смены политических парадигм немедленно сказались на отношении к мемориальным кладбищам и памятникам воинам советской армии, установленным на местах массовых захоронений. Действия официальных властей в этих случаях можно рассматривать как социальную технологию, которая при помощи частного, казалось бы, случая (снос памятника или перенос захоронений) пытается сформировать не только злободневное общественное мнение, но и общий негативный образ русских и убеждение, что Россия является страной-агрессором.

Показательным примером борьбы с “неправильными захоронениями” советских воинов является история Памятника Воину-освободителю Таллина от немецко-фашистских захватчиков (“Бронзовый солдат”), который был установлен вскоре после окончания Второй мировой войны в центре города. Братская могила солдат, погибших в ходе Таллинской операции 1944 г., возникла в результате перезахоронения останков советских военнослужащих, первоначально погребенных в разных частях города, на кладбище возле церкви Каарли на холме Тынисмяги (эст. *Tõnismägi* — Холм св. Антония). Ожесточенные дискуссии о правомерности местонахождения монумента разгорелись практически сразу же после получения Эстонией независимости в 1991 г. Сторонники признания советского периода в истории Эстонии пе-

риодом оккупации решительно выступали за снос этого памятника как символа оккупационной власти, т.е. речь шла о неуместности данного захоронения в центре эстонской столицы, несмотря на то, что формально он изначально был размещен в правильном месте — на кладбище. Перипетии данных событий описаны многими авторами (обзоры см.: *Bronze Soldier 2007; Полещук 2008; Дахин 2008* и др.). Отметим, что при проектировании монумента были сознательно выбраны эстонские авторы — скульптор Э. Роос и архитектор А. Алас, а прототипом солдата послужил эстонский красноармеец Велло Раянгу (настоящее имя Вольдемар Тролла, этнический швед), родившийся в г. Верро (Выру). Это, по-видимому, должно было изначально нейтрализовать упреки в политической ангажированности и обозначить характерный для советского политического дискурса концепт интернационализма.

На первом этапе борьбы с данным “неправильным захоронением” использовались методы “символической”, а затем “лингвистической” нейтрализации. Сначала был погашен горевший перед памятником “вечный огонь”. В 1995 г. были удалены таблички с именами советских солдат и орден Отечественной войны, а памятник был переименован в Монумент Павшим во Второй мировой войне, о чем были нанесены надписи на эстонском и русском языках. Однако все это не привело к окончательной ликвидации символической нагрузки “Бронзового солдата”. Именно благодаря постоянному нагнетанию противостояния вокруг монумента он стал своеобразной точкой сборки интересов представителей русскоязычного населения в столице этой прибалтийской республики. Памятник оказался очень удобным местом проявления протестных настроений против дискриминации русскоязычного населения. 9 мая и 22 сентября (день освобождения Таллина советской армией от фашистских войск) возле него ежегодно проводились многотысячные акции, что вызывало беспокойство властей и возмущение представителей националистических движений и партий (*Сапожникова 2009: 128–132*). Именно это было причиной угроз взорвать или снести этот памятник, а также актов вандализма (монумент раскрашивали в цвета эстонского флага), что, в свою очередь, привело к ответной реакции: у памятника появились “ночные дозоры” из числа сторонников сохранения монумента. События, как известно, завершились демонтажом памятника и перезахоронением останков на воинском кладбище на окраине Таллина, что вызвало уличные беспорядки с человеческими жертвами.

Характерно, что в процессе десимволизации монумента со стороны его противников активно выдвигались аргументы, призванные классифицировать захороненных в этом месте воинов, по выражению бывшего министра иностранных дел, а позднее президента Эстонии Т.Х. Ильвеса, как “группу бандитов, насильников и убийц” (*Полещук 2008: 110*), т.е. как “неправильных мертвецов”. Архаический концепт в современном политическом контексте был использован как социальная технология. С одной стороны, “неправильное захоронение” нарушает социальную топологию, определяемую новыми топическими представлениями: располагающуюся рядом площадь Победы в Таллине переименовали вскоре после получения независимости в площадь Свободы, установив на ней символ независимости — Крест Свободы. С другой стороны, оно связано с “неправильными мертвецами” (бандитами, насильниками и убийцами), что предполагает их захоронение в ином пространстве и по иным, “нечеловеческим” нормам, как правило, за пределами кладбища. В этом смысле логика перемещения “Бронзового солдата” на воинское кладбище, которое изначально предназначалось для коллективных захоронений погибших воинов, нередко безымянных (хотя в настоящее время большинство могил на этом таллинском кладбище являются именованными), вполне соответствует ленинской концепции “заложных” покойников.

Для понимания того, как функционирует концепт “неправильных мертвецов/захоронений”, приведем пример непрекращающихся в постсоветской России дис-

куссий о перезахоронении В. Ленина и И. Сталина. О том, что избавление от любых советских символов, и в первую очередь от памятников вождям советского государства, должно способствовать “очищению” и “процветанию”, свидетельствует “ленинопад” на постсоветском пространстве, начавшийся в первые перестроечные годы и переживший свой ренессанс в постлемайданной Украине. Хотя идеологическое обрамление этого процесса осуществлялось по-разному, по сути его можно рассматривать как протест против “неправильного мертвеца”.

В России сокрушение советских святынь остановилось на памятниках видным деятелям советской эпохи. С началом перестройки в Москве с центральных площадей и улиц убрали памятники и бюсты И. Сталина, В. Ленина, Ф. Дзержинского, М. Горького, К. Черненко и др. (многие из них сохранились в столичном “Музее-не”). Но главная борьба с начала 1990-х годов шла вокруг Мавзолея Ленина и прилегающего некрополя у кремлевской стены, которые представители пришедшей к власти новой элиты предлагали немедленно ликвидировать. О некоторых перипетиях этой борьбы рассказывает во второй главе своей книги “Дюжина ножей в спину...” Анатолий Собчак (*Собчак* 1999). Рассказ начинается с типичного для русской литературы сюжета: “Сон о похоронах Ленина” (ср.: “Сон Обломова” или “Сны Веры Павловны”). Здесь на двух страницах А. Собчак излагает воображаемый сценарий похорон Ленина. Согласно ему похороны (точнее, *правильное захоронение*) следовало бы осуществить в 75-ю годовщину смерти Ленина (21 января 1999 г.), объявив этот день общероссийским выходным и Днем проводов Ленина. При этом, по мнению А. Собчака, не стоило бы считаться с мнением “отвратительной и тупой черни” — десятков тысяч почитателей Ленина с его портретами и красными флагами в руках, “пенсионеров и коммунистических фанатиков”. Далее, не без доли сарказма, автор представляет, что мог бы сказать Б. Ельцин в защиту перезахоронения:

Едва стоя на ногах, он с явно выраженной брежневской дикцией объясняет, почему решил захоронить Ленина. Мол, все беды нашей страны проистекают из-за того, что тело Ленина до сих пор не предано земле, а его душа — не нашла успокоения. Речь закончилась, и послышались жидкие аплодисменты. Вслед за Ельциным слово берет Святейший Патриарх. Вспомнив все страдания, выпавшие на долю Церкви от режима Ленина, он затем поддерживает решение Кремля по-человечески и по-христиански упокоить в земле его останки. “Это святейший долг всех нас перед любым усопшим!” — завершает Патриарх (*Собчак* 1999).

Если следовать логике изложения А. Собчака, из-за “неправильного захоронения” и “неправильного мертвеца” в центре столицы России “проистекают все беды нашей страны”. Тезис о том, что при помощи предания земле тела Ленина можно кардинально изменить социально-экономическое положение в стране, обеспечить ей процветание, является явной манипуляцией, которая по-прежнему используется нашей элитой. Так, в январе 2011 г. появился сайт *goodbyelenin.ru*, на котором велось голосование по вопросу захоронения останков Ленина. О запуске сайта объявили единосроссы, а тогда еще депутат Госдумы В. Мединский заявил по этому поводу: “Я считаю, что каждый год мы должны поднимать один и тот же вопрос — о выносе останков тела Ленина из мавзолея. Это какая-то нелепая, язычески-некрофильская миссия у нас на Красной площади”. Однако тогда инициатива депутата ни к чему не привела.

В 2012 г. министр культуры В. Мединский снова предложил похоронить Ленина с “почетом, воинским салютом, в достойном месте”. Как считает В. Мединский, “нахождение тела Ленина в таком подвешенном состоянии — нелепость”. “Но это моя частная гражданская позиция, и я не буду здесь выступать с какими-то официальными заявлениями. Но как считал, так и считаю — что тело любого человека должно быть предано земле, как повелось испокон веков”. И после этого, по его

мнению, “может быть, действительно, в нашей жизни многое изменится к лучшему” (*Мединский* 2012). Недавно к этой точке зрения присоединился президент Чечни Р. Кадыров.

Объяснение необходимости правильного захоронения останков Ленина при опросах общественного мнения демонстрирует большой разброс: от отрицания идолопоклонничества и необходимости сбережения бюджетных средств до убежденности в том, что это станет символическим актом завершения эпохи коммунизма (*Тело Ленина* 2017). При обосновании также используются разные способы нейтрализации сакрального статуса тела вождя, в т.ч. перемещение акцента на семейно-бытовой уровень. Например, приводятся свидетельства (правда, слабо документированные) того, что против размещения тела Ленина для публичной демонстрации и создания вокруг него своеобразного культа выступали как Н.К. Крупская, так и другие его родственники.

Н.К. Крупская, сестры и брат Ленина, настроенные против бальзамирования, по существу, были отстранены от решения дальнейшей судьбы тела Ленина, хотя вскоре после его смерти Бухарин был уполномочен переговорить с Надеждой Константиновной о возможности недолгой отсрочки (в пределах месяца) похорон Ленина. Н.К. Крупская же в принципе не одобряла попыток даже временного сохранения тела Ленина (*Лопухин* 1997: 91–92).

Обнародование этой информации в перестроечный период было направлено на формирование мнения о том, что “неправильное захоронение” было волевым решением преемников Ленина, в первую очередь И. Сталина и Г. Зинovieва, которые очень быстро осознали все преимущества создания культа вождя, наблюдая за действительно всенародной скорбью по поводу смерти Ленина (*Лопухин* 1997: 64–66; *Пейн* 2002: 624–634). В этом контексте стремление скрыть мнение близких родственников, в т.ч. при помощи уничтожения каких-либо свидетельств или документов, выглядит вполне закономерно.

Однако из материалов, приведенных в книге Ю.М. Лопухина, можно понять, что на самом деле никакой выверенной стратегии, по крайней мере в первые недели и даже месяцы после смерти Ленина, в партийной верхушке не было. Более того, можно с уверенностью утверждать, что первоначально существовало лишь намерение выставить тело Ленина для прощания в гробу со стеклянными вставками на уровне лица всего на несколько дней. Планы были нарушены как стремлением огромного количества людей лично попрощаться с вождем революции, что существенно затянуло церемонию, так и связанной с этим обстоятельством необходимостью обеспечить сохранность в достойном виде тела, выставленного на всеобщее обозрение, для чего были экстренно привлечены известные ученые и врачи.

Народная молва предлагала и другие варианты того, как якобы на самом деле обошлись с телом Ленина. Среди них, например, версия о том, что на самом деле его тело было кремировано, пепел замурован в урну, а урна спущена в Волгу недалеко от Симбирска, в мавзолее же лежит восковая кукла (*Пейн* 2002: 635). Заметим, что этот способ захоронения также не является “правильным” с точки зрения традиции. В ранний советский период, если не брать в расчет расправу с семьей Романовых с последующим уничтожением останков, можно вспомнить еще и историю с сожжением трупа Фанни Каплан, совершившей покушение на Ленина. Она была расстреляна в одном из внутренних дворов Кремля и там же сожжена в бочке (*Мальков* 1959: 159–160; *Дело Фани Каплан* 2003: 81). При этом место ее погребения до сих пор не выяснено, что напоминает нам об описанных выше процедурах захоронения тел террористов в современной Европе.

Идеи сохранения тела Ленина для будущих поколений, равно как и способ обустройства места его хранения, возникали в процессе решения текущих задач.

В какой момент желание достойным образом почтить память выдающегося деятеля переросло в политическое решение, направленное на формирование нового революционного культа, в настоящее время выяснить довольно трудно. Однако в этот момент концепты “неправильного захоронения” и “неправильной смерти” были стремительно вытеснены из публичного пространства и оказались актуализированными лишь тогда, когда понадобилось разрушить советскую мифологию и топику. При этом не стоит забывать, что в советской истории к этому времени уже был прецедент подобного рода, когда тело Сталина после развенчания культа личности было удалено из мавзолея и захоронено у кремлевской стены, что, по-видимому, можно рассматривать как некий компромисс между героизацией и окончательным попранием. Такой же вариант, по опросам ВЦИОМ, предлагается и для перезахоронения тела Ленина, но это пока поддерживает лишь около трети опрошенных граждан. По словам А. Бабицкого,

настаивать на выносе тела вождя из Мавзолея и предании его земле вообще продолжают редкие и довольно странные люди, наделенные даром сосчитывать и фиксировать темные магические энергии, якобы продуцируемые неуспокоенным духом первого лидера Страны Советов. К разговорам о порче, которую этот дух наводит на Россию — эту идею довольно лениво поддерживают и представители либерального лагеря, — уже давно никто серьезно не относится. Так что Владимиру Ильичу ничего не угрожает, он продолжит находиться там, где прекрасно обжился за долгие годы (*Бабицкий 2017*).

“Капитан Фантастик” и “огненные похороны”

Как видно из разобранных нами выше примеров, архаические концепты “неправильной смерти”, “неправильного мертвеца” и “неправильного захоронения” продолжают играть очень важную роль и активно использоваться в социальных и политических целях в наше время. В этой связи важно учесть и их применение в современных дискуссиях о кардинальных трансформациях похоронного обряда, например, в связи с появлением экологических способов утилизации трупов. Эти тенденции первоначально обусловлены реальными проблемами, возникающими при обустройстве кладбищенских пространств в современных мегаполисах, возрастающей дороговизной процедуры погребения и ухода за могилами, ослаблением родственных связей и увеличением мобильности населения, что зачастую не позволяет осуществлять традиционные способы поминовения, и т. п. Появляются также сообщества, ратующие за возвращение к более “естественным”, с их точки зрения, способам жизнедеятельности, что нередко предполагает и возвращение к более старым, давно позабытым погребальным традициям, которые в данном случае также выполняют роль своеобразного социорегулятива, обозначающего принадлежность к определенной группе, разделяющей определенное мировоззрение.

В качестве примера разберем очень показательный, с нашей точки зрения, фильм Мэтта Росса “Капитан Фантастик” (“Captain Fantastic”, 2016, США), в котором “неправильные похороны” являются сюжетообразующим мотивом. В фильме речь идет о семье молодых неформалов Бена и Лесли, которые, бунтуя против “подавляющего гнета” современной цивилизации, поселяются вместе с шестью детьми в лесной глуши и ведут уединенный образ жизни. Неким аналогом этого семейства можно было бы считать семью российского бизнесмена Г. Стерлигова. Протест Бена и Лесли проявляется и на идеологическом уровне: они отрицают существующие политические устои и религиозные убеждения собственных родителей, приучают детей к нонконформизму и недогматическому мышлению. Единственный признаваемый ими “культ” — это поклонение Ноаму Хомскому, “современному мыслителю, так много сделавшему для человечества”¹. Не в чести у них

и моральные устои, поскольку кража в супермаркете рассматривается как “освобождение еды”, а самым ценным подарком для детей оказываются охотничьи ножи, при помощи которых можно добывать дичь. Не удивительно поэтому, что когда Лесли, страдающая психическим расстройством, кончает жизнь самоубийством в специализированной клинике, ее родители — обеспеченные представители американского среднего класса и верующие люди, никогда не одобрявшие ее брак, выражают решительное намерение похоронить ее по общепринятым правилам, включая религиозную церемонию.

Перед Беном и детьми возникает серьезная дилемма: с одной стороны, участие в религиозной церемонии не соответствует их убеждениям, а родители Лесли против присутствия Бена на похоронах. С другой стороны, Лесли выразила желание, чтобы они похоронили ее по буддийскому обычаю, о чем Бен и сообщает ее отцу. Понятно, что подобный сценарий оказался невозможным для родителей Лесли, но и Бен не смог запретить детям попрощаться с матерью. Единственное, что в его силах, это огласить во время церемонии прощания в церкви последнюю волю Лесли, что он и делает:

Во-первых, Лесли практиковала буддизм. Для нее это была скорее философия, чем религия. Лесли презирала все организованные религии. Она считала их вредными сказками, приучающими к слепой покорности и вселяющими страх в невинные и невежественные души. Для нее только одно было хуже смерти — мысль о том, что ее гниющее тело будет заточено в ящик (Бен с грохотом ударяет по гробу; в зале гул возмущения) и зарыто посреди сраного поля для гольфа! (Дети смеются.) Хотя эту абсурдную ситуацию, когда ее поминает человек, с ней незнакомый [т.е. священник, который в начале своей речи признался, что не знал Лесли], Лесли бы оценила. Этот юмор как раз в ее стиле. Что-что, а чувство юмора у нее было. Сейчас я прочту вам кое-что, чтобы вы меня поняли. Последняя воля и завещание Лесли. Цитирую: “В случае моей смерти я, Лесли Эбигейл Кэш, будучи буддисткой, хочу быть кремнированной. Мои похороны должны проходить как праздник в честь жизненного цикла с музыкой и танцами. Я желаю, чтобы после церемонии мой прах был доставлен в любое место, желательно публичное и густонаселенное, после чего безо всяких громких слов смывает в ближайшем туалете”.

Понятно, что речь Бена производит эффект взорвавшейся бомбы. Его выводят из храма охранники, а отец Лесли заявляет, что забирает у него детей, а ему приказывает немедленно убраться из города, если он не хочет оказаться в тюрьме. Казалось бы, все дело жизни Бена оказывается разрушенным, но создатели фильма предлагают ему спасение. Дети тайком сбегают из дома бабушки, вместе с отцом выкапывают гроб с телом матери и, погрузив его в семейный автобус, на следующий день совершают обряд погребения согласно ее завещанию.

Как видим, вся сюжетная канва данного фильма использует концепт “неправильного”: девиантные формы поведения, основанные на протесте против устоев современной цивилизации, отрывающей людей от природы; неправильная смерть Лесли с самоубийством в психиатрической больнице; неправильные, с точки зрения ее и Бена, похороны в христианской традиции и неправильные, с точки зрения нормальных людей, похороны Лесли, обозначающие новую парадигму погребальной обрядности, когда человек волен сам определять, как он уйдет в иной мир и как он будет погребен. Эта парадигма, естественно, предполагает колоссальные сдвиги в общественном сознании и вряд ли в ближайшей перспективе станет доминирующей. Именно поэтому в данный момент она кажется фантастической, а история семейства Бена и Лесли многим зрителям напоминает плохую комедию, сыгранную хорошими актерами.

Подобные коллизии, казалось бы, маловероятны в нашей российской действительности. Однако жизнь способна преподносить сюрпризы. Совсем недавно в Ки-

ровской области российскими язычниками-родноверами был исполнен ритуал “огненных похорон” (*крадирование*). Нам удалось взять интервью у одного из участников этого события, вызвавшего бурную реакцию не только в местных, но и в федеральных СМИ, Родостава Добровольского, который прояснил некоторые особенности этого обряда.

Я понимаю, что эта форма ухода из мира кому-то кажется “неправильной” — но у нас все-таки светское государство, а значит, что и формы погребения могут быть разными. Для того чтобы легализовать “огненные похороны”, нашей общине в первую очередь следует оформить регистрацию. Этим мы сейчас и занимаемся. Следующим шагом будет отведение специальных мест для сжигания. Огненные похороны максимально экологичны — на месте сжигания ничего не остается. Отдельный вопрос, как организовать это в крупных городах, мегаполисах, если крадирование будет носить массовый характер... Но в том виде, в котором обряд был проведен, не было никаких нарушений правил пожарной безопасности. <...> *Крада* (колода дров) горела долго, весь день практически, с 11 утра до 20 часов вечера. За это время мы и песни успели попеть, которые покойный любил, — это чтобы связь на уровне речи и эмоций с ним поддерживалась. На похоронах не грустили. Было и угощение — обрядовая пища. <...> Анатолий завещал свой прах развеять над Черным морем, видимо, корни у него там были. После того, как *крада* догорела, его родственники забрали то, что осталось, — пепел по сути. Я им рекомендовал хотя бы небольшую часть праха захоронить в земле — для того, чтобы было место поминовения, куда можно было бы прийти и пообщаться с усопшим, чтоб оставалось место связи. Просто прийти на берег Черного моря для общения с усопшим сложнее (ПМА 2).

Необходимо пояснить, что по российскому законодательству обряд “огненных похорон” может быть проведен на основании завещания — оформленного волеизъявления, заверенного тремя свидетелями. Поручить крадирование можно и близким, и товарищам, а можно составить документ и безлично, не адресно. В связи с возникшим скандалом Следственный комитет пытался предъявить участникам ритуала обвинение по ст. 244 УК РФ (“глумление над телом”), но после ознакомления с волеизъявлением погребенного (Анатолия), оставленным в письменном виде, обвинения были сняты.

При всех различиях между комедийно-фантастической версией ритуала крадирования из “Капитана Фантастик” и его реальным воплощением в российской глубинке бросаются в глаза и очевидные сходства. В обоих случаях исполнение ритуала связано с нонконформистскими установками его участников, которые используют для обоснования этой акции экологические и моральные аргументы. Например, пляска, пение, обильное угощение во время ритуала представляются как способ поддержания эмоциональной связи с покойным, что облегчает его переход в мир иной. Конечно, эти идеи не являются в полной мере новациями, они лишь реанимируют в новом воплощении ритуал языческой тризны. Но поскольку погребальный ритуал — часть картины мира, воссоздаваемой подобными группами, его можно считать важным элементом социального инструментария, применяемого для конструирования групповой идентичности.

Возможно ли изменение “правил”, и что это дает?

Представления о “правильной” и “неправильной” смерти, также как и “правила смерти”, даже в догматической картине мира могут изменяться в соответствии с изменяющимися социальными запросами. Если католическая церковь на протяжении многих веков не позволяла отпевать некрещеных младенцев, а значит, и хоронить их в полном соответствии с общепринятой традицией, поскольку еще в V в. св. Августин постановил, что некрещеные младенцы отправляются в “лимбо” — специ-

ально предназначенное для них место в аду, то около десяти лет назад из-за участившихся обращений прихожан к священникам с просьбой смягчить это ограничение Римско-католическая церковь официально отменила концепцию “лимбо” (Ватикан 2007). Аналогичные изменения произошли и в православной церкви. В июле 2018 г. РИА Новости со ссылкой на пресс-секретаря Патриарха Московского и всея Руси священника Александра Волкова сообщило, что Священный синод Русской православной церкви утвердил чин отпевания некрещеных младенцев, обязательный для всех ее приходов. По словам А. Волкова, раньше у церкви не было такой возможности, но потерявшие детей родители в поисках утешения приходили в храм и просили священников совершить хоть какой-то чин над умершими. “Бывает, что они рождаются на свет мертвыми, бывает, что в первые часы или дни скоропостижно умирают в силу разных обстоятельств, выходящих за рамки человеческих возможностей”, — сказал А. Волков. Богословское понимание состояния души умершего младенца до конца не определено, а поскольку отпевание в той форме, в которой оно относится к умершим в сознательном возрасте, связано в первую очередь с молитвой о прощении грехов, то “это нельзя отнести к некрещеным младенцам, которые не могут обладать личными грехами”, отметил пресс-секретарь патриарха. По данным агентства, ранее РПЦ утвердила богослужебный чин утешения родных, чьи близкие совершили самоубийство (РПЦ 2018).

Подобные изменения можно наблюдать и в повседневных практиках. Даже в регионах, где различные манипуляции над могилами “неправильных мертвецов” проводились еще в конце прошлого века (о чем свидетельствуют наши записи из некоторых регионов Юга России и Среднего Поволжья), в настоящее время в большинстве случаев самоубийц, утопленников, умерших от алкоголизма хоронят на общих кладбищах и их могилы не отличаются от остальных. Вместе с тем все чаще мелькают сообщения о необычных надгробиях и нетрадиционных способах захоронения, не только крадировании, но и, например, развеивании праха после кремации, которая уже осуществляется в российских мегаполисах. То есть “правила смерти” продолжают меняться вслед за происходящими в нашем обществе социальными и технологическими трансформациями.

И в заключение приведем несколько соображений по поводу использованных нами в статье понятий с атрибутивом “неправильный”. “Неправильная смерть” в традиции может быть вызвана как экстраординарными обстоятельствами (напр., гибель от стихии, на поле брани или в пути, вдали от дома), так и социальными факторами (напр., в случае некрещеных младенцев или умершей до замужества девушки). Статус “неправильного мертвеца” умершие могут получать не только в этих случаях, но и вследствие “неправильных” занятий в течение жизни (колдовство, разбой, терроризм) или принадлежности к “неправильной” группе (конфессиональной, политической, этнической, низкостатусной). “Неправильное захоронение/погребение”, в свою очередь, может оказаться таковым не только для “неправильного мертвеца”, но и в случае нарушения “правил смерти”, которые, как уже было сказано, подвержены изменениям.

Важно также учитывать фактор “зеркального отображения”, срабатывающий во всех описанных выше случаях. Как и при оценке иных социальных взаимодействий, здесь большую роль играет принадлежность к осуществляющей практику группе. Верные марксисты-ленинцы необычный способ погребения вождя воспринимает как способ почитания великого человека, а убежденные родноверы не считают кощунственным обычаем крадирования, поскольку, с их точки зрения, это наиболее простой и легкий способ перехода в мир иной. Вместе с тем столкновение в едином социокультурном пространстве разных “правил смерти” — если не учитывать, что они могут быть и всегда в человеческой истории были разными — может стать источником потенциальных конфликтов.

Примечания

¹ Здесь и далее приводятся цитаты из русских субтитров к фильму с сайта Subtitles Catalogue (subs.com.ru).

Источники и материалы

- Бабицкий* 2017 — *Бабицкий А.* Путин, Ленин, народ и немного либералов // Life.Ru. Мнения. 20.04.2017. https://life.ru/t/мнения/999981/putin_lienin_narod_i_niemnogho_liberalov
- Ватикан 2007 — Ватикан “перевел” души некрещеных младенцев в рай // Православие.Ru. Новости. 21.04.2007. <http://pravoslavie.ru/21772.html>
- Ващенко, Заморская* 2018 — *Ващенко В., Заморская Н.* “Подадим в церковный суд за отпевание Табакова”. Прощание с Табаковым может перерасти в скандал // Газета.Ру. Общество. Религия. 14.03.2018. <https://www.gazeta.ru/social/2018/03/14/11682079.shtml>
- Дело Фани Каплан 2003 — Дело Фани Каплан или кто стрелял в Ленина. М.: X-Histoiy, 2003.
- Кладбище предателей 2016 — “Кладбище предателей”: последний приют турецких путчистов // Deutsche Welle. Темы дня. Политика и общество. Европа. 04.08.2016. <http://www.dw.com/ru/кладбище-предателей-последний-приют-турецких-путчистов/a-19447071>
- Лопухин* 1997 — *Лопухин Ю.М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина: правда и мифы. М.: Республика, 1997.
- Мальков* 1959 — *Мальков П.Д.* Записки коменданта Московского Кремля. М.: Молодая гвардия, 1959.
- Мединский* 2012 — *Мединский* предлагает похоронить Ленина // Интерфакс. В России. 09.06.2012. <http://www.interfax.ru/russia/249940>
- ПМА 1 — Полевые материалы И.А. Морозова. Экспедиция в Базарно-Сызганский р-н Ульяновской обл. Август 1999 г. (информанты: А.И. Потапова, 1916 г.р., д. Русская Хомутерь; У.К. Ведица, 1913 г.р., П.И. Михеева, 1934 г.р., д. Чириково).
- ПМА 2 — Полевые материалы Л.А. Ткачук. Экспедиция в г. Киров. Март 2018 г. (информант Родостав Добровольский).
- Последнее пристанище 2016 — Последнее пристанище убийц: где в Германии хоронят террористов // Deutsche Welle. Темы дня. Политика и общество. Германия. 05.08.2016. <http://www.dw.com/ru/последнее-пристанище-убийц-где-в-германии-хоронят-террористов/a-19451017>
- РПЦ 2018 — РПЦ разрешила отпевать некрещеных младенцев // Lenta.Ru. Общество. 14.07.2018. <https://lenta.ru/news/2018/07/14/otpevat>
- Сапожникова* 2009 — *Сапожникова Г.* Арнольд Мери: последний эстонский герой. Судьба человека как путеводитель по новейшей истории. Таллин: Impressum; SKP Media, 2009.
- Тело Ленина 2017 — “Это человек, а не реликвия”, — 81% россиян за то, чтобы захоронить тело Ленина // Исследовательский центр портала Superjob.ru. Социологические опросы. 20.04.2017. <https://www.superjob.ru/research/articles/112079/eto-chelovek>
- Bronze Soldier 2007 — Bronze Soldier: April crisis = Бронзовый солдат: апрельский кризис = Pronksõdur: aprillikriis. Tallinn: Inimõiguste Teabekeskus, 2007.

Научная литература

- Дахин А.* Споры вокруг “Бронзового солдата”. Психологические корни конфликта в свете memory studies // Космополис. 2008. № 1 (20). С. 83–96.
- Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995.
- Панченко А.* “Заложные родители”: смерть, коллективная память и сакральное пространство // Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М.: Сэфер; Институт славяноведения РАН, 2008. С. 232–259.
- Панченко А.А.* Мертвецы: “добрые”, “злые” и непонятно какие // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). С. 135–143.
- Пейн Р.* Ленин: жизнь и смерть. М.: Молодая гвардия, 2002.
- Петрова Н.С.* Мифологические модели в неподцензурных текстах о советской власти 1917–1953 гг. Дис. ... канд. филол. наук. ИМЛИ, М., 2017.

- Полещук В.В. “Война памятников” в Эстонии: этнический аспект // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 103–118.
- Раденкович Л. “Ходячий” покойник в духовной культуре славян // Славянская духовная культура: этнолингвистические и филологические исследования. Ч. 1: К 90-летию со дня рождения Н.И. Толстого / Ред. А.А. Алексеев, Н.П. Антропов, А.Г. Кречмер. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016. S. 139–160.
- Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004.
- Собчак А.А. Дюжина ножей в спину: поучительная история о российских политических нравах. М.: Вагриус; Петро-Ньюс, 1999.
- Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003.
- Cangìà F. Performing the Buraku: Narratives on Cultures and Everyday Life in Contemporary Japan. Zürich: Lithuania, 2013.
- Comaroff J.L., Comaroff J. Ethnicity, Inc. Chicago: University of Chicago Press, 2009.
- Longman T.P. Memory and Justice in Post-Genocide Rwanda. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Research Article

Morozov, I.A., and L.A. Tkachuk. “The Rules of Death”: Concepts of “Improper Dead Man” and “Improper Burial” in the Toolkit of Social and Political Technologies [“Pravila smerti”: kontsepty “nepravil’nyi mertvets” i “nepravil’noe pogrebenie” v instrumentarii sotsial’nykh i politicheskikh tekhnologii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 1, pp. 11–26. <https://doi.org/10.31857/S086954150004177-4> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Igor A. Morozov | <https://orcid.org/0000-0002-1987-0706> | mianov@rambler.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Lilia A. Tkachuk | <https://orcid.org/0000-0003-3158-0194> | fairsisters@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Death studies, funeral rituals, improper dead man, improper burial, burial rite, social technology, political technology

Abstract

The article discusses the concepts of “improper dead man” and “improper burial”, presented in different cultures and in different sociopolitical contexts. We offer an interpretation of these concepts as special social and political technologies ensuring the maintenance of social stratification, regulating behavioral strategies, and making it possible to form ideological models within the framework of the dominant ideology that governs the “rules of death” characteristic of a given community. We pay special attention to contemporary practices using the concepts of “improper death”, “improper dead man”, “improper funeral”, and “improper burial”. An analysis of examples from typologically different cultures shows that the concepts of “improper burial” and “improper death” are actualized in those cases when there is a need to transform the existing ideological model and the associated mythology and topics. We argue that ignoring the existing differences in the burial traditions, which have always had cultural specificities throughout human history, is fraught with serious conflicts that can only be prevented by developing new “rules of death” that would meet modern sociocultural standards.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 18-18-00082]

References

- Cangià, F. 2013. *Performing the Buraku: Narratives on Cultures and Everyday Life in Contemporary Japan*. Zürich: Lithuania.
- Comaroff, J.L., and J. Comaroff. 2009. *Ethnicity, Inc.* Chicago: University of Chicago Press.
- Dakhin, A. 2008. Spory vokrug “Bronzovogo soldata”. Psikhologicheskies korni konflikta v svete memory studies [Disputes around the “Bronze Soldier”: Psychological Roots of Conflict in the Light of Memory Studies]. *Kosmopolis* 1: 83–96.
- Longman, T.P. 2017. *Memory and Justice in Post-Genocide Rwanda*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Panchenko, A. 2008. “Zalozhnye roditeli”: smert’, kollektivnaia pamiat’ i sakral’noe prostranstvo [“Pledged parents”: Death, Collective Memory and Sacred Space]. In *Sakral’naia geografiia v slavianskoi i evreiskoi kul’turnoi traditsii* [Sacred Geography in Slavic and Jewish Cultural Tradition], edited by O.V. Belova. Moscow: Sefer; Institut slavianovedeniia RAN.
- Panchenko, A.A. 2013. Mertvetsy: “dobrye”, “zlye” i neponiatno kakie [The Dead: “Good”, “Evil” and It is not Clear What]. *Otechestvennye zapiski* 5 (56): 135–143.
- Pein, P. 2002. *Lenin: zhizn’ i smert’* [Lenin: Life and Death]. Moscow: Molodaia gvardiia.
- Petrova, N.S. 2017. Mifologicheskie modeli v nepodtsenzurnykh tekstakh o sovetской vlasti 1917–1953 gg. [Mythological Models in Uncensored Texts about the Soviet Power of 1917–1953]. PhD diss. IMLI RAN.
- Poleshchuk, V.V. 2008. “Voina pamiatnikov” v Estonii: etnicheskii aspekt [“War of Monuments” in Estonia: The Ethnic Aspect]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 103–118.
- Radenkovich, L. 2016. “Khodiachii” pokoinik v dukhovnoi kul’ture slavian [“Walking” Dead in the Spiritual Culture of the Slavs]. In *Slavianskaia dukhovnaia kul’tura: etnolingvisticheskie i filologicheskie issledovaniia. Vol. 1: K 90-letiiu so dnia rozhdeniia N.I. Tolstogo* [Slavic Spiritual Culture: Ethnolinguistic and Philological Studies. Vol. 1: To 90th anniversary of N.I. Tolstoy], edited by A.A. Alekseev, N.P. Antropov, and A.G. Krechmer. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Sedakova, O.A. 2004. *Poetika obriada. Pogrebal’naia obriadnost’ vostochnykh i yuzhnykh slavian* [Poetics of the Rite: Funerary Rites of the Eastern and Southern Slavs]. Moscow: Indrik.
- Shchepanskaia, T.B. 2003. *Kul’tura dorogi v russkoi miforitual’noi traditsii XIX–XX vv.* [Culture of the Road in the Russian Mythological Tradition of the 19th–20th Centuries]. Moscow: Indrik.
- Sobchak, A.A. 1999. *Diuzhina nozhei v spinu: pouchitel’naia istoriia o rossiiskikh politicheskikh nravakh* [A Dozen Knives in the Back: An Instructive Story about Russian Political Morals]. Moscow: Vagrius; Petro-N’ius.
- Zelenin, D.K. 1995. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii: umershie neestestvennoi smert’iu i rusal’ki* [Selected Works: Sketches of Russian Mythology: Unnatural Death and Mermaids]. Moscow: Indrik.